

Спасибо за письмо Ваше, я сохраню его как драгоценность; Вам трудно писать (сужу по почерку, и Вы стари), но всякую строку Вашу сохраню и приму в сердце свое: повторяю: я в Вас никогда не находил ошибки; о «трансцендентном эгоизме» и альтруизме, который приложится — тотчас же все понял и признал. Но Вы умеете очень кратко и много выражать; не оставьте меня этими краткими строками. Скажу только, я в высшей степени был подготовлен к принятию Ваших идей: читая Токвилля, я тоже больше всего поразился, что «все люди стали схожи между собой»; но не было у меня формулы, не видел я теории, это было единичное печальное наблюдение.

Крепко обнимаю Вас и целую, как только может хоть и усталый довольно, но молодой еще человек обнять и поцеловать старика, так много ему сказавшего.

Ваш глубоко преданный
В. Розанов.

П. П. ПЕРЦОВУ

<Конец декабря 1896>

Дорогой мой Петр Петрович! Все я понимаю, что Вы пишете, со всем даже согласен, но

Video meliora proboque
Deteriora sequor...*

Увы, увы и увы...

Если Вы станете это клясти, я отвечу только: «такова судьба рода людского...»

Такова она — *после падения*...

Еще Вы не знаете во мне сторону: вечный плач (т. е. моя «литература») и вечный гнев, плач о рае потерянном, гнев на юдоль холодную и бесприютную, на «внешнее место», куда мы загнаны.

Отсюда — я не люблю Мережк., Чехова (откуда о нем Вы узнали мое отношение? я ничего не писал), Ницше: они воспели это «внешнее место», они едят в нем колбасу и зернистую икру в январе месяце, и думают, что это все, что нужно человеку... Ницше безумный смел написать: «Бог умер». И Бог, для него умерший, в нем сказался сумасшествием... Боже, до чего все ясно, до чего ясна история, до чего ясны судьбы человека.

* Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь (лат.) (пер. С. Шервинского).

Кстати: с Мережк. я на $1/2$ примирился, прочтя «Вечных спутников»: кой-что отлично; по выражению (мне кажется) все слабо, безвольно, простите за выражение — «импотентно», но есть почти высокие или во всяком случае замечательные мысли (про Петра и Пушкина и славянофильство; но лучше — «Дафнис и Хлоя»); но он вовсе не понимает, что Мар. Авр. был скучель всяческой ограниченности, что жена ему не напрасно рога наставила, и сын, при таком тошнотворном папаше, поневоле стал гладиатором.

Не наверно, но, может быть, З-го приду; по правде — мне нравитесь Вы, но вообще «литераторы» (=«крапивное семя» старомосковских времен) — я тем более их почему-то не люблю, чем страшнее и мучительнее (т. е. malgré moi*) ушел в литературу.

Ваш В. Розанов.

Л. Н. ТОЛСТОМУ

<Июль — август 1898>

Глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Так трудно ожидать от Вас ответа; так совестно Вас затруднять ответом; но так хочется от Вас ответа; да что ответ: хочется Вашего всемирного глагола, дабы приковать всемирное внимание к мучительнейшей на мой взгляд теме: как возможна стала в христианском мире проституция? как и почему только в этом одном мире она терпится? и то, чего с собою не допускает (говорили мне) цыганка, поклоняющаяся каким-то духам или звездам, позволяет (а иногда сама идет) христианка? Почему одно христианство не расходится яростно с проституцией, но допускает ее к совместительству с собою. Долгие годы об этом (именно, именно о проституции) продумав, я поколебался, окаянный, в самом христианстве: да ведь христианство есть плевание на пол как мерзость; чудно ли, что заплеванное так и имеет вид заплеванного, каковой вид мы и зrim в проституции?

По христианству эта сторона моей природы есть гадкая вещь, свиной остаток: и вот, занимаясь гражданством, я держу свинью на привязи до той минуты, пока веревка не рвется; тогда я иду и несу остаток в себе свиньи естественно в свиной хлев, т. е. дом терпимости. Вот логика уничтожительного воззрения на свой пол, которая действуя $1\frac{1}{2}$ тысячи лет «искре-

* Вопреки себе (франц.).